

А. Д. ШУТОВ

КОММУНИСТЫ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Веб-публикация: Марианна Петрович и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Коммунисты и социал-демократы - два родственных политических формирования - связаны друг с другом глубокими историческими корнями, объединены борьбой за общественный прогресс и сохранение мира. Объединение их усилий могло бы стать мощным ускорителем социального развития, способным внести существенные изменения в облик и характер международных отношений.

Образовавшийся между ними более 70 лет назад глубокий разрыв, вызванный принципиальными разногласиями, значительно ослабил позиции международного рабочего класса, нанес непоправимый ущерб революционному и демократическому движениям в Европе.

Участники III Международного семинара ученых социалистических стран (Гавана, 1-3 июня 1988 г.) показали несостоятельность попыток возложить всю вину за этот разрыв на коммунистов¹. Бесспорно, нельзя отрицать борьбы коммунистов за лидерство в рабочем движении. Но ведь это относится и к социал-демократии, проводившей политику антикоммунизма. Вместе с тем ленинская концепция единого рабочего фронта, решения VII конгресса Коминтерна, сотрудничество коммунистов и социал-демократов в годы второй мировой и Великой Отечественной войн, завязавшийся диалог между ними в условиях нового политического мышления убеждают в том, что коммунисты высоко ценят положительную роль социал-демократии в борьбе за мир, демократию, социальный прогресс.

Сопоставление ленинских идей с событиями конца 20-х - начала 30-х годов показывает, что руководством Коминтерна было допущено немало просчетов и драматических ошибок. В этот период усилились сектантско-догматические тенденции, чему в немалой степени способствовал тезис "класс против класса", выдвинутый XIX пленумом Исполкома Коминтерна (1928 г.). Задуманный как средство объединения всего рабочего класса против буржуазии, он утратил свой первоначальный смысл и свелся к борьбе против социал-демократии².

Стремление превратить Коминтерн в замкнутую международную организацию, отделенную от других демократических сил, проявилось у некоторых влиятельных руководителей еще при жизни В.И.Ленина. Так, председатель Коминтерна Г.Е.Зиновьев, выступая в 1923 г. на XII съезде РКП (б), подчеркивал, что III Интернационал - "это единая партия, распространенная по разным странам; это больше, чем партия, - это скорее секта"³. А у секты, как известно, особые принципы: не с массами - а в отрыве от масс, не стремление найти союзника - а исключить возможность диалога, любых компромиссов, не терпимое отношение к демократическим организациям - а неприязнь к ним, даже если они социально однородны с ней.

Прямолинейным был подход Зиновьева и к оценкам фашизма и социал-демократии. Приход фашистов к власти в Италии рассматривался им на IV конгрессе Коминтерна как "созревание пролетарской революции", а самой важной целью коммунистов объявлялась задача победить социал-демократию - "главного врага, главную опору буржуазии" в международном масштабе⁴. В 1924 г. - на заседании Президиума ИККИ, на XIII партийной конференции, XIII съезде РКП (б), V конгрессе Коминтерна - Зиновьев окрестил социал-демократию "крылом фашизма" и выступил инициатором левосектантской тактики, целью которой объявлялось отсечение руководящих органов социал-демократических партий от их рядовой массы путем проведения единых действий "снизу". На V конгрессе Коминтерна он подчеркивал, что эту тактику надо понимать "как стратегический маневр", а не как "политику союза с социал-демократией, как коалицию всех рабочих партий"⁵.

Отсутствием реализма и конструктивности, более того, неприкрытой враждебностью характеризовался подход Н.И.Бухарина к международной социал-демократии, названной им "смычкой" между империалистической буржуазией всего мира и массами. "Если революционный пролетариат, - подчеркивал он еще в 1922 г. в своей речи на процессе эсеров, - не вышибет этой смычки, то он не может поразить и капитализма. Вот этим объясняется та борьба, та революционная бешеная борьба, которая ведется авангардными партиями пролетариата во всем мире против так называемых соглашательских партий. Капитализма нельзя свергнуть, если не раздробить силу этого звена; капитализма нельзя свергнуть, если не раздробить и не раскрошить эту самую смычку, благодаря которой, посредством которой буржуазия правит, угнетает и терзает миллионы рабочего класса и поработанные колониальные народы"⁶. А в выступлении на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) Бухарин выразил сожаление, что коммунисты "еще не научились достаточно хорошо работать, чтобы более решительно, с большим успехом ломать хребет этому нашему главному противнику"⁷.

Догматизм и сектантство возобладали и во взглядах Сталина, ничем не отличавшихся от взглядов Зиновьева и Бухарина. Так, в январе 1924 г. на Пленуме ЦК РКП (б) Сталин заявил, что за последнее время произошла "передвижка мелкобуржуазных социал-демократических сил в сторону контрреволюции, в лагерь фашизма. Вывод: не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашизированной власти"⁸.

"Смертельный бой" Сталин будет вести потом, но уже тогда было ясно, что искажалась ленинская концепция мирового коммунистического движения. В том же 1924 г. в статье "К международному положению" Сталин сформулировал дезориентирующие рабочее движение установки: "Фашизм, - писал он, - есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма... Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы. Фашизм есть неформальный политический блок этих двух основных организаций, возникший в обстановке послевоенного кризиса империализма и рассчитанный на борьбу с пролетарской революцией"⁹.

В законченном виде сталинская позиция предстала в предисловии к работе "На путях к Октябрю", в котором "основное стратегическое правило ленинизма" вопреки истине сводилось к необходимости ведения бескомпромиссной борьбы против соглашательских партий в период подготовки революции.

Коминтерн и его руководство в лице Зиновьева, а затем Бухарина и Сталина нанесли немалый вред рабочему и демократическому движениям. Как справедливо отметил И.Н.Ундасынов, это "трио" (Зиновьев, Сталин, Бухарин) "стало той силой, которая добилась трансформации политики единого рабочего фронта в ее полную противоположность, привела к низведению ее до непримиримой борьбы с социал-демократическими партиями и другими некоммунистическими рабочими организациями"¹⁰.

Еще дальше в развитии этих догм пошел VI конгресс Коминтерна (1928 г.). Часть его делегатов утверждала, что "социал-империализм" перерос в "социал-фашизм", а социал-демократия превратилась в "фашистскую рабочую партию". Руководитель Профинтерна С.А.Лозовский внес существенную поправку, заявив, что "неправоммерно было бы называть все социал-демократические партии социал-фашистскими". И далее: "Возможно, только часть социал-демократического руководства будет играть активную роль в фашизме. Ряд таких руководителей есть в Германии, Польше, которые были связаны с фашизмом"¹¹.

Против положения, что социал-демократия находится на пути превращения из "либеральной" в "фашистскую рабочую партию", протестовал на конгрессе П.Тольятти (Эрколи). "Мы считаем такую формулировку абсолютно неприемлемой, - говорил он. - Наша делегация решительно против. Это искажает реальность"¹².

Против неправильного подхода к социал-демократии выступал ряд видных деятелей Советского государства. Так, в письме Сталину в июне 1929 г. Г.В.Чичерин называл нелепым вздором "крики о социал-фашизме", которые могут привести "Коминтерн к гибели"¹³.

На усиление сектантских тенденций в коммунистическом движении оказали влияние принятые в сталинском духе решения X пленума ИККИ (1929 г.), где утверждалось, что "особой формой фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями является социал-фашизм"¹⁴. Перед коммунистическими партиями ставилось категорическое требование - усилить борьбу "против социал-демократии, особенно против ее "левого" крыла, как опаснейшего врага коммунизма в рядах рабочего движения и главного тормоза роста боевой активности рабочих масс"¹⁵. На деле эти установки вели к превращению партий рабочего класса в обособленные организации, к потере ими влияния в массах.

В 30-е годы, в условиях наступления реакции, фашизма и угрозы войны, жизнь поставила перед Коминтерном на первый план антифашистские, общедемократические задачи, однако вместо выработки общей платформы, приемлемой для сплочения всех прогрессивных сил, им был взят курс на упреждение фашизма с помощью социалистических революций. Антифашистская стратегия отождествлялась в то время с борьбой за свержение капитализма, что вносило растерянность в ряды борцов против фашизма, ослабляло их позиции, порождало недоверие к коммунистам.

Так, в "Обращении Коммунистического Интернационала в связи с 50-летней годовщиной смерти Карла Маркса к рабочим и работницам всех стран, к эксплуатируемым и угнетенным всего мира" 8 марта 1933 г. были выдвинуты лозунги борьбы "за пролетарскую мировую революцию, за диктатуру пролетариата, против фашизма, против социал-демократии, за победу марксизма, коммунизма во всем мире"¹⁶.

Примером сектантского подхода являлись решения XII съезда Коммунистической партии Австрии (октябрь 1934 г.), выдвинувшего задачу подготовки и проведения восстания и "создания Советской Австрии, государства диктатуры пролетариата, с целью подавления контрреволюционной (в том числе реформистской. - А.Ш.) партии и построения социализма"¹⁷. И далее: "Правительство рабочих и крестьян социализирует промышленность и банки, экспроприирует церковь, помещиков, домовладельцев"¹⁸. Вполне очевидно, что такие призывы могли лишь отпугнуть от коммунистов массы демократов-антифашистов.

Словом, сектантские установки, в частности тезис о социал-фашизме, лишавший коммунистов союзников в борьбе с реакцией, нанесли огромный ущерб международному рабочему движению, облегчили правым вождям социал-демократии саботаж единого фронта.

Хотя в истории нет сослагательного наклонения, можно представить, что обстановка в мире была бы иной, если бы рабочий класс преодолел тогда раскол в своих рядах и выступил единым фронтом против фашизма в Германии. "Марш Гитлера к власти не состоялся бы, - отмечает М.С.Горбачев, - если бы коммунисты, социал-демократы, все демократические силы Веймарской Республики совместно дали отпор фашизму"¹⁹.

Видные деятели мирового коммунистического движения - Г.Димитров, В. Пик, К.Цеткин, Э.Тельман и др. - неоднократно высказывали несогласие с сектантской тактикой, выступали против употребления формулы о социал-фашизме, вредившей делу единого фронта²⁰. В июле 1927 г. на пленуме Исполкома Коминтерна Э.Тельман высказался против создания самостоятельных революционных профсоюзов; в мае 1932 г. он выступил в Президиуме ИККИ за критический пересмотр подхода к политике единого фронта, за создание широкого народного движения коммунистов, социал-демократов, всех, кто готов бороться против фашизма и войны. Г. Димитров в октябре 1932 г. направил письмо в ИККИ с обоснованием новой антифашистской политики²¹. Однако его соображения не были приняты во внимание.

Были догматизированы и извращены положения В.И.Ленина о политике единого рабочего фронта, нашедшие отражение в документах Коминтерна, в частности в решениях его IV конгресса (1922 г.). Резко негативно оценивая роль социал-демократии в период революционного подъема 1919-1920 гг. за ее соглашательскую политику с буржуазией, Ленин в условиях спада революционного подъема и нарастания реакции советовал искать к ней новые подходы с целью совместной борьбы против наступления капитала. Однако Зиновьев и Сталин, как отмечается в работе "Коминтерн: опыт деятельности", по сути дела, свели "все содержание единого фронта лишь к маневру с целью разоблачения социал-демократии, по которой следует-де наносить основной удар"²².

От взаимоотношений коммунистов и социал-демократов зависел успех политики единого фронта, поскольку под влиянием социал-демократов находились основные силы рабочего класса в странах капитала. Однако сектантски настроенная влиятельная часть руководства Коминтерна стремилась отсечь социал-демократию и реформистские профсоюзы от выступлений рабочего класса, потому что социал-демократия характеризовалась ею как "буржуазная рабочая партия".

С приходом фашистов к власти в Германии вопрос о сотрудничестве коммунистов и социал-демократов получил особую актуальность. В феврале 1933 г. семь социалистических партий Европы обратились к руководству Коминтерна и Рабочего социалистического интернационала (РСИ) с предложением созвать совместную конференцию для выработки плана единых действий в борьбе против фашизма. Бюро РСИ приветствовало эту инициативу, заявило о согласии вести переговоры с Коминтерном и прекратить взаимные нападки. Однако Исполком Коминтерна, дав общий позитивный ответ, в то же время не выразил готовности вести переговоры с РСИ, что помешало сближению двух течений в рабочем движении, подъему антифашистской борьбы²³. Более того, в директивы ИККИ, разосланные в апреле 1933 г. коммунистическим партиям, по инициативе Сталина было внесено требование "усилить кампанию против 2 Интернационала", подчеркнуть "переход германской социал-демократии в лагерь фашизма"²⁴.

Этот подход полностью противоречил усложнившейся международной обстановке и вызывал законную критику представителей ряда коммунистических партий. На заседании Президиума ИККИ 4 февраля 1935 г. Гарри Поллит отмечал, что "коммунистические партии должны были сразу распознать это изменившееся новое положение. Они должны были понять, что оно требует проведения широчайшей кампании на предприятиях, в профсоюзах, на улицах, что оно заставляет обратиться к социал-демократическим партиям с предложением единства действий в защиту германских рабочих и для предотвращения фашизма"²⁵.

Руководством Коминтерна и ближайшим окружением Сталина не учитывались и даже игнорировались интернационалистские выступления европейской социал-демократии в защиту СССР, против фашистской опасности, не бралась во внимание происходившая эволюция внутри этих партий между двумя мировыми войнами. Так, известный лидер австрийских социал-демократов Отто Бауэр и его сторонники уже с середины 20-х годов решительно выступали против планов организации новой антисоветской интервенции. В 1925 г. на Марсельском конгрессе Рабочего социалистического интернационала под бурные аплодисменты его участников Бауэр заявил, что "всякая враждебная политика правительства в отношении Советского Союза встретит у нас упорнейшее, неутолимое сопротивление"²⁶. И далее, имея в виду возможную войну против СССР, он подчеркивал: "Так как мы знаем, что эта опасность надвигается, мы не только на сегодня или завтра, но и на все будущее провозглашаем: "Руки прочь от Советской России!"²⁷

В 30-е годы ряд представителей социал-демократии стали рассматривать СССР как "форпост великой эмансипации пролетариата", важнейший бастион на пути фашистской агрессии. Все тот же Бауэр одним из первых среди реформистских лидеров выдвинул идею создания антигитлеровской коалиции, не исключая возможности сотрудничества западных держав с СССР, "теснейшего союза с Красной Армией" ради "спасения человечества от опасности мирового господства фашизма"²⁸.

Руководство Коминтерна игнорировало даже интернационалистские выступления европейской социал-демократии в защиту СССР, против фашистской опасности, не принимало во внимание происходящие внутри нее серьезные политические сдвиги в период между двумя мировыми войнами.

В то же время и международной социал-демократией не было выработано согласованной позиции осуждения фашизма и сплоченной, решительной борьбы за демократию и прогресс. Если ее левый фланг в той или иной мере осознавал нависшую над Европой опасность и готов был сплоченными с коммунистами, всеми демократическими силами действиями всемерно противостоять фашизму, то правый фланг, отклоняя с порога все предложения коммунистов о сотрудничестве, проводил либо пассивную тактику проволочек с антикоммунистическим уклоном, либо прямого непротивленчества, а кое-где даже потворства фашизму.

Если во Франции и Испании реальная опасность фашизма вынудила социалистов перейти к сотрудничеству с коммунистами, то в Великобритании за такое сотрудничество исключали из лейбористской партии²⁹. Правые лейбористские лидеры предпочитали сотрудничать с традиционными буржуазными партиями на основе формулы "третьей силы" - борьбы против коммунизма и фашизма. Так, руководитель лейбористской партийной организации Лондонского университета Р.Фрейзер утверждал, будто политика классово-борьбы, революционная деятельность и марксистская пропаганда являются главными источниками фашизма. По его мнению, "установление капиталистической диктатуры и даже фашизма" возможно лишь в случае усиления влияния коммунистов и марксистов. Отрицая любую форму сотрудничества с коммунистами, он подчеркивал: "Антифашистский союз с коммунистами компрометирует великое дело борьбы против фашизма: это был бы союз с антидемократами против антидемократов"³⁰.

Подобные идеи были распространены и среди правых социал-демократических руководителей Финляндии. Антикоммунистические установки лидеров Социал-демократической партии Финляндии во главе с В.А.Таннером в конечном счете привели партию в лагерь соучастников фашизма.

В Германии ведущие лидеры СДПГ усматривали в коммунизме главного противника. Активист германской социал-демократии Р.Брейтшейд писал в 1931 г.: "Мы должны надеяться, что улучшение экономического положения сведет на нет коммунистическую волну, которая сейчас представляет большую опасность, чем нацистская"³¹.

Летом 1934 г. руководство Французской социалистической партии вынесло на рассмотрение Исполкома РСИ проект резолюции в поддержку единого фронта и сотрудничества с коммунистами. Проект был поддержан социалистами Австрии, Испании, Италии и некоторых других стран. Однако против выступили социал-демократы Швеции, Голландии, Великобритании, Норвегии, Дании, Финляндии и Чехословакии.

Трезвый, реалистический курс на установление союзов, сотрудничества коммунистов с социал-демократами, всеми антифашистскими силами был намечен VII конгрессом Коминтерна. Но его осуществление натолкнулось на противодействие антикоммунистически настроенных правых лидеров РСИ. В августе 1935 г. они отказались рассматривать призыв VII конгресса объединиться для отпора фашизму под предлогом, что коммунисты, мол, не осудили свою стратегию и тактику революционной борьбы. Эти действия нанесли огромный ущерб делу мира, демократии и единства рабочего движения.

Дальновидные представители социал-демократии, прежде всего О.Бауэр, понимали, что союз или хотя бы сотрудничество между двумя политическими направлениями рабочего движения возможны только при условии их взаимной заинтересованности в этом, обоюдных усилий в создании благоприятных факторов для сознательных, сплоченных действий. Имелись в виду устранение прежде всего антикоммунистических выпадов со стороны правых лидеров социал-демократии и ликвидация диктаторских методов правления в Советском Союзе.

В книге "Между двумя мировыми войнами" О.Бауэр писал о том, что альянс демократических рабочих партий капиталистических стран с Советским Союзом уже сегодня "может и должен снять противоречие между демократическим социализмом Запада и революционным социализмом Востока. Однако устранение этого противоречия требует шагов исторического масштаба не только в капиталистических странах, но и в самом Советском Союзе. Оно будет устранено в тот день, когда советская диктатура решительно встанет на путь своего преобразования в социалистическую демократию"³².

Созданию антифашистских народных фронтов мешала и деятельность троцкистов, которые до VII конгресса Коминтерна резко критиковали концепцию социал-фашизма, а после выступили яркими противниками его решений, обвинив Коминтерн в перерождении, отходе от классовой линии.

На крутых поворотах истории неизбежно и быстро происходит отказ от устаревших схем и доктрин. Так, вторая мировая война, с одной стороны, показала несостоятельность антикоммунизма правых социал-демократических лидеров, а с "Анти-другой" - опровергла широко распространенные в кругах Коминтерна по инициативе его руководства теории "социал-фашизма", выявила примитивизм его подхода к левой социал-демократии как "наиболее опасному крылу фашизма", под-твердила жизненную необходимость сотрудничества коммунистов и социалистов. В годы войны коммунисты и социал-демократы ряда стран Европы бок о бок сражались в партизанских отрядах, вместе участвовали в движении Сопротивления; повсеместно вырос их авторитет. В результате были созданы условия для сотрудничества коммунистов и социал-демократов в мирное время. Вплоть до 931 г.: 1948 г. они выступали совместно по широкому кругу проблем, затрагивавших на нет интересы трудящихся.

Особенно успешно развивался этот процесс в странах Восточной Европы, где объединение коммунистических и социал-демократических партий привело к восстановлению единства рабочего движения. Сначала это произошло в 1946 г. в Восточной Германии, а в 1948 г. слились партии в Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Польше. Эта концентрация сил привела к изменениям на политической арене.

Однако постепенно сталинские догматы вновь стали давать о себе знать в поведении коммунистов, проявившемся в отказе от политики народного фронта и дискредитации социал-демократов. Следствием этого явились трудности и кризисные ситуации в ряде восточноевропейских социалистических стран.

Усилившееся сотрудничество коммунистов и социал-демократов в Западной Европе привело к тому, что в некоторых государствах произошла заметная пере группировка классовых сил, результатом чего стали утрата безраздельного политического контроля крупным капиталом и его переход к обороне. В Италии, Франции коммунисты и социалисты успешно сотрудничали в коалиционных правительствах, местных органах власти, в профсоюзах, женских, молодежных организациях. Тесное сотрудничество на разных уровнях наблюдалось и в других странах.

Углублявшееся партнерство между представителями рабочих партий делало возможным постепенную ликвидацию раскола в рабочем движении. Ленинские идеи и решения VII конгресса Коминтерна указывали четкие ориентиры действий. От коммунистических партий требовались взвешенные, разумные подходы.

Разразившаяся в конце 40-х годов "холодная война" стала первым серьезным экзаменом на политическую зрелость коммунистов и социал-демократов, Синдром "классовой стерильности" одних и оппортунистически понимаемая "западная солидарность" других вновь создали барьеры на пути их сотрудничества. У коммунистов они выразились в безоговорочной защите внешней политики СССР, некритическом одобрении методов и характера социалистического строительства в СССР, в возобновлении старых оценок социал-демократов как "пособников капиталистов", "предателей дела рабочего класса". Программные установки коммунистов были нацелены на искусственное подталкивание революции.

Что касается социал-демократов, то их внешнеполитические позиции вплоть до конца 60-х годов оказались целиком и полностью сориентированными на поддержку тогдашней внешней политики США и натовских концепций. Неприкрытый антикоммунизм лег в основу их идеологических воззрений, жесткий запрет был наложен на контакты с коммунистами, любые формы сотрудничества с ними. Определяющей для них стала доктрина классового сотрудничества, предполагающая широкие союзы с буржуазными партиями.

Таким образом, примерно 30 лет спустя после образования Коминтерна в международном рабочем движении второй раз в XX в. произошел глубокий раскол, затронувший политические партии, профсоюзы, массовые демократические организации.

Отход от резко негативного отношения к социал-демократам наметился у коммунистов под влиянием XX съезда КПСС (1956 г.), однако он не привел к преодолению прежних стереотипов.

История распорядилась так, что в последней четверти нашего столетия появился еще один реальный шанс для сближения между коммунистами и социал-демократами, для восстановления единства рабочего движения. Его дает разработанное XXVII съездом КПСС новое политическое мышление, которое становится материальной силой и все более овладевает как коммунистами, так и социал-демократами. XXVII съезд КПСС явился рубежом в развитии международного рабочего движения, в восстановлении ленинских принципов взаимоотношений между различными его составными частями.

С этой точки зрения установление сотрудничества между коммунистами и социалистами представляется исключительно важной задачей. Правда, на пути ее решения есть серьезные трудности и препятствия. Прежде всего, коммунистов социал-демократов разделяют идеологические разногласия. У них разные представления о путях движения к социализму, о социалистических ценностях, серьезные противоречия по принципиальным вопросам практической политики. Правые лидеры социал-демократии нередко прибегают к антисоветским выпадам, нанося тем самым ущерб коммунистическому движению. Такие установки встречаются также в их партийных документах второй половины 80-х годов. Так, в программном материале СДПГ (Ирзейский проект), обсуждавшемся в партии в 1986 г., говорится о "тоталитарно-бюрократической системе в СССР, прикрывающейся вывеской социализма", о "диктатуре партии над народом", содержатся некоторые дефиниции и антисоветские выпады, напоминающие формулировки давно прошедшего периода³³.

К тому же и не все коммунистические партии проявляют достаточную терпимость к идеологическим воззрениям социал-демократов, политической практике. До последнего времени - до этапа становления нового политического мышления - критика коммунистами социал-реформизма в основном сводилась к обвинениям социал-демократов в том, что они не приемлют научного социализма, что их взгляды не являются коммунистическими и далеки от революционной идеологии переустройства капиталистического общества. Нередко навешивание ярлыков заменяло позитивную, конструктивную критику существа проблемы. Непонимание самобытности идейно-политической природы социал-демократии, за рамки которой она не может выйти, не утратив своей самостоятельности, вело не к сближению, а к росту недоверия, углублению предубежденности. А ведь социал-демократы, как и коммунисты, не могут допустить размывания своего суверенитета. Поэтому составной частью нового политического мышления являются отказ коммунистов от попыток обратить социал-демократов "в свою веру" и поддержка их прогрессивных действий. Но, к сожалению, процесс обновления взглядов коммунистов пока идет медленно. А это не может не создавать дополнительных трудностей в развитии контактов между партиями рабочего класса.

Диалог между коммунистами и социал-демократами мог бы значительно продвинуться вперед, если бы коммунисты в ряде стран обладали реальной силой. Например, в Дании сила коммунистической партии настолько мала (на выборах она получает менее одного процента голосов), что в обозримом будущем вряд ли сможет оказать сколько-нибудь серьезное воздействие на политическую ситуацию в стране. Как отмечает председатель Социал-демократической партии Дании (СДПД) Свенн Аукен, он "не против обсуждения разных вопросов с друзьями-коммунистами", но затрудняется сказать, "какую реальную роль они способны сыграть"³⁴.

Некоторые коммунистические партии, особенно не являющиеся крупной силой, противятся сотрудничеству с социал-демократией, опасаясь, что социал-демократия отберет у них социальную базу. Но такая линия не отвечает долговременным интересам коммунистов, ибо неизбежно ведет к замкнутости и к сокращению электората. Трудящиеся, широкие слои общества, сознавая приоритеты современной жизни, не могут одобрить такую политику.

Глубокий разрыв преодолеть трудно, иллюзий на этот счет нет ни у коммунистов, ни у социал-демократов. Потребуется немало времени, чтобы добиться реального взаимопонимания и взаимодействия, устранить противоречия. Однако коммунистические партии убеждены, что, как бы ни были глубоки расхождения между разными течениями рабочего движения, они не являются непреодолимыми препятствиями для конструктивного обмена мнениями, для параллельных или совместных действий против ядерной угрозы, за оздоровление международной обстановки, за социально-экономические интересы трудящихся. Наши идеологические разногласия не помеха для того, чтобы сотрудничать при решении таких животрепещущих вопросов, как вопросы войны и мира.

В этом вопросе точка зрения КПСС совпадает с позицией реалистически мыслящих деятелей Социал-демократического интернационала. Так, В.Брандт в выступлении на XVI конгрессе Социал-демократического интернационала заявил: "Всем очевиден фундаментальный характер различий между демократическим социализмом и авторитарным коммунизмом. Однако сохранение мира, безусловно, обладает преимуществом по сравнению с борьбой идей"³⁵.

Тенденция к сотрудничеству пробивает себе дорогу. Более отчетливо стал восприниматься тезис, что и те, и другие являются частью рабочего движения, объективно представляющего собой определенную целостность. Многие из того, что привело их к расколу, причем наиболее существенное, снято самой жизнью в процессе исторического развития, отошло в прошлое. Социал-демократические партии стали занимать позиции, близкие или идентичные коммунистам по отношению к войне и миру, созданию системы всеобщей безопасности, разоружению, конверсии военного производства, колониализму, национально-освободительному движению, решению экологических проблем.

Перестала быть актуальной первопричина раскола рабочего движения - вопрос о путях продвижения к социалистическим целям, о борьбе за политическую власть. Повсеместно на очереди стоят задачи защиты и развития демократических основ, политического и социального отпора консервативным силам, а не проведения социалистических революций. Идет борьба за интересы трудящихся в рамках того же буржуазного общества, и конкретные требования, выдвигаемые коммунистами и социал-демократами, мало разнятся между собой. Германская коммунистическая партия на своем IX съезде (1989 г.) заявила о необходимости составить общий перечень требований и добиваться объединенных действий коммунистов и социал-демократов, всех левых и демократических сил. "Объективным требованием и реальной целью совместной борьбы, - подчеркивается в материалах съезда, - должно быть изменение соотношения сил в пользу рабочего движения, всех демократических сил"³⁶.

Стремление коммунистов к диалогу тем более важно, что социал-демократия представляет поистине влиятельное международное движение. Ее главная организация - Социалистический интернационал - объединяет 36 партий, являющихся его полноправными членами, десятки партий и движений, имеющих совещательный голос и, кроме того, многочисленные организации со статусом наблюдателей, в целом насчитывая в своих рядах более 16 млн. человек. Социнтерн поддерживает дружеские связи со многими партиями из стран "третьего мира". За партии, входящие в Социнтерн, голосуют более 110 млн. избирателей (в подавляющем большинстве - рабочие).

До своего XIII конгресса (Женева, ноябрь 1976 г.) СИ был преимущественно европейской организацией. Затем поле его деятельности заметно расширилось: организации Социнтерна были созданы в Латинской Америке, в Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, в Африке³⁷.

За последнее десятилетие возросла роль Социнтерна на международной арене, более тесными и плодотворными стали его контакты и взаимодействие с Международным союзом молодых социалистов, Международным социал-демократическим женским союзом, Социал-демократической фракцией Европарламента.

Наиболее внушительной политической силой по-прежнему является социал-демократия в странах Западной Европы, имеющая объединения общего порядка рамках отдельных регионов. Примером регионального сотрудничества стала, частности, организация "Скандилюкс", созданная в 1981 г. Это совещательный орган социал-демократических партий стран так называемой "малой Европы" - членов НАТО (Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга). Кроме того, в "Скандилюкс" входят в качестве наблюдателей представители СДПГ, лейбористы Великобритании и социалисты Франции. Благодаря столь тесному сотрудничеству социал-демократам Западной Европы удалось в целом выработать общую стратегию и общие подходы к вопросам разоружения.

Крупная роль социал-демократов общепризнана. Да и, надо полагать, не все то ошибочно и неверно, что исходит из их концепции "демократического социализма", и прежде всего приверженность принципам гуманизма и демократических свобод, несмотря на определенное различие с коммунистами в понимании их сущности.

В преобладающем большинстве социал-демократы зарекомендовали себя открытыми противниками тоталитарных режимов, нарушений прав человека, борцами за повседневные интересы трудящихся. Их престиж и влияние значительно поднялись в связи с тем, что западноевропейское рабочее движение отвергло практику строительства социализма в СССР с ее насильственной коллективизацией, массовыми репрессиями 30-х годов. Популярность социал-демократических лозунгов о "гуманном социалистическом обществе", "социализме с человеческим лицом" еще более возросла на фоне возникших застойных и кризисных явлений в развитии мирового социализма и при относительно стабильном уровне социально-экономических достижений, особенно в тех странах, в которых в течение длительного времени у власти находились социал-демократы (в Швеции, Австрии и др.).

Словом, влияние социал-демократов в массах - это итог многолетней кропотливой политической линии, умения делать реалистические выводы из динамично развивающейся жизни, способности видеть нужды и запросы трудящихся и в соответствии с этим строить свою политическую стратегию и тактику.

Поэтому весьма актуальна идея, которую выдвинули советские ученые-обществоведы, о насущной необходимости критического осмысления и использования опыта международной социал-демократии. Так, Б.С.Орлов считает, что есть смысл повнимательнее присмотреться по крайней мере к четырем крупным вопросам, решаемым социал-демократами: капитализм и собственность, государство и рыночный механизм, демократизация сферы производства, особенности социальной политики³⁸.

Сегодня коммунисты стали понимать социализм шире, глубже, чем в недалеком прошлом - этим и объясняется их более пристальное, конструктивное отношение к тем социальным ценностям, которым привержены социал-демократы. КПСС видит и по достоинству оценивает вековой вклад социал-демократии "в развитие ценностей социализма, в проведение социальных реформ, которые способствовали повышению благосостояния и социальной защищенности трудящихся во многих капиталистических странах Запада. Накопленный социал-демократией богатый, разносторонний, хотя и неоднозначный опыт" с интересом изучается в СССР с целью использования того, "что подходит к условиям нашего общества"³⁹.

Эта позиция является конкретизацией общего вывода, сделанного в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: "Идеологические разногласия между коммунистами и социал-демократами глубоки, опыт и достижения неодинаковы и неравноценны. Однако непредвзятое ознакомление с позициями и взглядами друг друга, безусловно, полезно и для коммунистов, и для социал-демократов"⁴⁰.

Большое значение, в частности, мог бы иметь богатый опыт социал-демократов по решению проблем рынка, производственной демократии, рабочего контроля и партнерства, созданию в целом ряде случаев надежной системы по социальной защите человека. Институт социального партнерства, заключение коллективных договоров с владельцами предприятий - это не игра в одни ворота, не уступка буржуазии, не одностороннее ущемление интересов трудящихся, как тенденциозно утверждалось прежде в советской литературе, это специфическая форма классового противоборства, соответствующая достигнутому уровню буржуазной демократии и сопровождаемая применением различных средств методов, включая забастовку, ради улучшения жизни трудящихся. Социальное партнерство, которое прежде вызывало паническую реакцию иных обществоведов, имеет право быть занесенным в актив рабочего движения.

Для ответа на вопрос: а что дает оно рабочему человеку, обществу? - можно было бы привести немало аргументов. Ограничимся главным. Заключение коллективного договора, в котором зафиксировано обязательство соблюдать установленный размер заработной платы, продолжительность рабочего дня, все социальные обязательства по отношению к работающим, служит определенной ведению гарантией уверенности рабочего в завтрашнем дне, создает нормальную социально-психологическую атмосферу как на отдельном предприятии, так и в обществе в целом, способствует оптимальному развитию производственного процесса. В этом плане впечатляют успехи социал-демократов в Швеции и Австрии.

Разумеется, было бы неправомерно видеть в социальном партнерстве какую-то панацею, способную привести к полной ликвидации несправедливого общественного устройства и эксплуататорских отношений. **Социальное партнерство нигде не ставит под вопрос структуру капиталистического способа производства, наоборот, стабилизирует общественное неравенство, признает за предпринимателями их права на собственность, создает гарантии ее неприкосновенности. Кроме того, повышая социальную стабильность, ослабляя конфликтность, оно блокирует активные поиски разрешения социальных проблем, способствует насаждению политической апатии, снижает тенденцию к нововведениям, в значительной мере выполняет роль тормоза на пути общественных перемен**⁴¹. Поэтому коммунисты, с пониманием относясь к социальному партнерству, различным формам участия трудящихся в управлении капиталистическими предприятиями, видят их уязвимые стороны и выступают с конструктивной критикой. Так, германские коммунисты считают, что необходимо расширение этого участия до полного паритета с администрацией. К такому выводу пришел IX съезд ГКП⁴².

Весомый вклад внесли социал-демократы в создание системы социальной защищенности человека, получившей емкое название "социального государства". В некоторых капиталистических странах Западной Европы, прежде всего в Швеции, количество и качество социальных благ, приходящихся на одного работающего, значительно превышает этот показатель в СССР и других социалистических странах. Ценно то, что социальные завоевания приобрели фактически необратимый характер и продолжают существовать даже тогда, когда на смену социал-демократическим кабинетам приходят буржуазные правительства.

На оздоровление обстановки в социал-демократическом движении, размывание антикоммунистических предрассудков оказал немалое воздействие новый стратегический курс КПСС - перестройка социализма на ленинских принципах, начавшийся процесс обновления в других социалистических странах.

В СССР осуществлен отход от прежних лозунговых, декларативных заявлений, не имеющих реального содержания, становятся повседневной нормой гласность и самоуправление. Социал-демократы в подавляющем большинстве с пониманием отнеслись к признанию нами социалистического плюрализма, открытости, терпимого отношения к различным проявлениям общественных свобод.

Правда, отсутствие многопартийности они считают признаком неразвитости демократии. Жан Зиглер, член бюро Социнтерна, констатирует: "Мы рассматриваем однопартийную коммунистическую систему как фактор, препятствующий развитию демократических свобод"⁴³. Думается, этот вывод не в полной мере учитывает особенности истории советского общества.

Это, конечно, не значит, что КПСС - принципиальный противник многопартийной системы. Наш социальный строй рождался как плюралистическая система. В.И.Ленин всегда был сторонником объединения всех революционных сил и допускал сотрудничество с мелкобуржуазными партиями при определенных условиях. И большевистская партия целенаправленно шла на установление контактов со всеми непролетарскими партиями. Так, в Петроградский военно-всереволуционный комитет (ПВРК), действовавший во время подготовки и пробеленной ведения Октябрьской революции вплоть до декабря 1917 г. как чрезвычайный орган государственной власти, входили вместе с большевиками (53 человека) и левыми эсерами (21) представители еще четырех партий: меньшевики, националисты, анархо-синдикалисты, независимые анархисты, анархисты-коммунисты. Это был первый в истории социалистических революций XX в. опыт партийно-политического плюрализма, использованный впоследствии многими другими революционными партиями мира.

По ряду ключевых вопросов взгляды левых эсеров и большевиков совпадали. По мнению лидера левых эсеров М.А.Спиридоновой, высказанному накануне Октября, "левые эсеры, как и большевики, считают, что единственным спасением России является переход власти к рабочим и крестьянам"⁴⁴.

Принцип многопартийности был положен также в основу формирования первого Советского правительства, куда, помимо большевиков, входили семь представителей партии левых эсеров. Таким образом, правительство олицетворяло собой союз рабочих с трудовым крестьянством. Блок двух партий, считал В.И.Ленин, вполне мог быть "честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*"⁴⁵. В.И.Ленин был убежден в том, что один "блок с левыми эсерами... может нам дать прочную власть в России"⁴⁶.

Народные комиссары - левые эсеры активно участвовали в работе по революционному преобразованию страны, завоевывали авторитет в народе. О признании их в качестве полезной для революции силы свидетельствует следующий факт: в избранный в 1918 г. III Всероссийским съездом Советов ВЦИК вошли 160 большевиков и 125 левых эсеров.

"Тот союз, который мы заключили еловыми социалистами-революционерами, - подчеркивал в докладе на съезде В.И. Ленин, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам. Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, то уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное"⁴⁷.

Правда, в подходе к решению ряда вопросов проявились мелкобуржуазные взгляды эсеров, и в конечном счете не большевики, а их союзники поставили себя вне правительственной коалиции.

Левые эсеры, как и "левые" коммунисты, выступали против Брестского мира, резко критиковали деятельность ВЧК, осуждали установление продовольственной диктатуры и изъятие хлебных излишков. В 1918 г., как известно, по решению ЦК левых эсеров был поднят контрреволюционный мятеж. После ратификации мирного договора с Германией на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов (15 марта 1918 г.) левые эсеры в знак протеста вышли из СНК, но заявили что будут оказывать "ему свое содействие и поддержку", поскольку он "будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции"⁴⁸. Причем 79 делегатов левозэсеровской фракции на этом съезде голосовали против выхода из СНК.

Закономерен вопрос: было ли предпринято в тот сложный момент самими большевиками максимум возможного, чтобы сохранить противоречивый союз и сотрудничество с другими левыми силами? Эта проблема требует специального исследования.

Поэтому ограничимся здесь лишь одним нетрадиционным суждением. Думается, что в тех чрезвычайных условиях, под влиянием некоторых ультрареволюционных элементов, части максималистски настроенных руководителей РКП (б) не было проведено различия между лидерами непролетарских мелкобуржуазных партий, отошедшими от революции, и широкой партийной массой, которая оставалась в рядах борцов за революцию и была верна ее идеалам. Даже после распада правительственной коалиции (март 1918 г.) левые эсеры в подавляющем большинстве держали курс на революционное сотрудничество с большевиками, по-прежнему имели свое представительство во ВЦИК, местных Советах, других правительственных учреждениях, продолжали оставаться в целом советской партией, политическую линию которой Ленин определил как "оппозицию, соединенную с поддержкой"⁴⁹.

Причины насильственной ликвидации партии левых эсеров вытекают из самого подхода подавляющего большинства коммунистических лидеров к трактованию сущности диктатуры пролетариата, характера политической системы нарождающегося социалистического общества, фактически исключавшего возможность не только сотрудничества, но даже параллельного существования других демократических партий. Так, Н.И. Бухарин, выступая на III конгрессе Коминтерна, сформулировал эту идею следующим образом: "Как марксисты и ортодоксальные коммунисты, мы все убеждены в том, что диктатура класса возможна только как диктатура авангарда этого класса; т.е. диктатура рабочего класса может быть осуществлена только через диктатуру компартии"⁵⁰. Отсюда проистекает и та чрезмерная, неоправданная жестокость, которая была проявлена не только по отношению к руководству партии левых эсеров, но и к ее массовой низовой базе. Думается, что и сторонники Ленина не усмотрели в тот период в разрыве с непролетарскими революционными партиями угрозу грядущего рождения авторитарной террористической власти.

Последовательно и бескомпромиссно отстаивал принцип однопартийности Зиновьев, усматривая в ином подходе худший вид оппортунизма. "Диктатура пролетариата, - утверждал он, - не мирится с допущением существования других партий. Монопольное положение нашей партии абсолютно необходимо"⁵¹. И далее: "Тот, кто стоит за диктатуру ВКП(б), тот не может терпимо относиться к идее двух партий"⁵². На XII съезде ВКП (б) **по докладу Зиновьева** была принята резолюция, в которой отмечалось, что **"диктатура пролетариата не может осуществляться иначе, как через диктатуру компартии"**⁵³.

Надо отметить, что **против этой формулировки возражал Сталин**. Он подчеркивал, что **речь должна идти "не о диктатуре партии, а о диктатуре пролетариата"** и что известное выражение было пущено в ход на XII съезде "по недосмотру"⁵⁴.

Однако позиция Сталина не только не нашла поддержки, но и была осуждена. В частности, Зиновьев определил ее как "попытку ослабить диктатуру большевистской партии в сторону буржуазной демократии"⁵⁵. Им была опубликована в "Правде" (1924 г.) редакционная статья "К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии". Предварительно состоялось совещание 25 членов ЦК - ленинцев (в том числе всех членов Политбюро, кроме Троцкого), которые "громким большинством голосов осудили принципиальную ошибку т.Сталина и одобрили статью Зиновьева". И Сталин в конце концов занял ту же позицию.

Представляется бесспорным, что на возникновение и укрепление "чрезвычайщины", безраздельное доминирование сталинизма оказала немалое влияние сложившаяся таким образом монопартийная структура общества. В условиях слабого развития демократических традиций к политически господствующей единственной партии стремились примазаться многие приспособленцы, беспринципные карьеристы, угодливо поддерживавшие и одобрявшие любой волевой акт и произвол руководителя, привнося в партию антибольшевистские привычки и настроения. В других условиях при наличии партийно-политического плюрализма сохранилась бы более широкая платформа для развертывания активности самых различных народных сил, тяготеющих к социализму, что оказывало бы сдерживающее воздействие на диктаторские замашки партийно-государственной элиты, способствовало бы оздоровлению обстановки в переходном обществе, развитию и укреплению демократических начал.

Однако предвзятый, доктринерский подход сталинистской партийной гвардии (и не только ее) к толкованию сущности диктатуры пролетариата, люмпен-пролетарская ревизия ленинских принципов в строительстве социализма привели к искусственному раздуванию до размеров общенационального террора социального конфликта в переходном обществе и, как следствие этого, к отчуждению народа от партии. Думается, что неоправданным отказом другим, демократическим партиям в праве на существование, жесточайшим подавлением всякого инакомыслия, неприятием политического плюрализма и был заложен фундамент тоталитарной власти, достигшей впоследствии полного расцвета в рамках казарменного социализма, административно-командной системы.

Вопрос воссоздания многопартийных структур в социалистических странах, как представляется, не утратил своей актуальности. Восстанавливается реальный политический плюрализм в Венгрии, Польше, Чехословакии, других социалистических государствах Центральной и Восточной Европы. В том же аспекте следует рассматривать нынешний курс ряда коммунистических партий Западной Европы на коренную перестройку своей организации в направлении нового видения социалистической перспективы.

Позицию честного сотрудничества и сохранения идейно-политической самостоятельности занимают и другие коммунистические партии, о чем, в частности, свидетельствует резолюция XIX съезда Коммунистической партии Норвегии (1987 г.): "Социал-демократия - наш важнейший партнер во всех основополагающих вопросах современной политики. Мы должны добиваться осуществления задачи по развитию конструктивного и товарищеского сотрудничества с социал-демократией, не отказываясь при этом от принципиальной критики ее политики"⁵⁶.

Важным событием, открывающим новую страницу в деятельности социал-демократии, явился XVIII конгресс Социнтерна, состоявшийся в июне 1989 г. в Стокгольме. Это был форум нового политического мышления, форум реализма, взаимопонимания и сближения с коммунистами. Конгресс принял новую Декларацию принципов (программу) Социнтерна, выгодно отличающуюся от Франкфуртской декларации 1951 г., поскольку она не несет отпечатка "холодной войны". В ней сделан акцент на универсальную ценность прочного мира для всех социальных систем, необходимость сотрудничества, ведения торговли, развития обменов.

На таком форуме впервые присутствовала делегация КПСС. Конгресс выступил и с инициативой провести в Финляндии в 1990 г. конференцию социалистов, социал-демократов, лейбористов и коммунистов на высоком уровне.

Во время переговоров в Москве (октябрь 1989г.) М.С.Горбачева и В.Брандта была достигнута договоренность о новых встречах с представительными делегациями Социинтерна с целью совместных обсуждений форм и тематики регулярных обменов мнениями не только о мире и разоружении, но, возможно, и о мировой экономике и экологии, о научно-технической революции и информационных процессах, о проблемах Север-Юг, о перспективах социализма и цивилизации в целом.

В этой связи были высказаны конструктивные идеи о путях дальнейшего развития социализма в неразрывной связи с общечеловеческой цивилизацией и усвоением из опыта и достижений других обществ и общественных движений всего того, что для него приемлемо и будет служить на благо человека. Опыт общения КПСС с социал-демократией в последнее время показывает, что развернувшийся содержательный и откровенный диалог, при котором каждый остается привержен своим ценностям, может предложить миру очень важные идеи, существенные для видения выхода в XXI век.

Обе стороны высказали заинтересованность в проведении совместного теоретического анализа прошлого и настоящего коммунистического и социал-демократического движений, в особенности их перспектив, проблем взаимоотношений в будущем. Это важно для судеб Европы, для всего рабочего, общедемократического движения⁵⁷.

Установление тесного сотрудничества между коммунистами и социал-демократами - важный фактор преодоления разобщенности в рабочем движении, повышения эффективности в борьбе за социальный прогресс, решение общечеловеческих проблем. Возможности устранения разрыва между созидательно-прогрессивными силами в рабочем и демократическом движениях не исчерпаны. Могут быть открыты новые формы установления взаимодействия и достижения консенсуса, ведь их активный поиск не прошел еще и начальной стадии.

Стремительность перемен в мире делает чрезвычайно трудным долгосрочное прогнозирование возможностей преодоления раскола рабочего движения. Сегодня можно быть уверенным в одном - разобщенность социальных сил труда и прогресса утрачивает свою необратимость. Утверждение ненасильственного мира, преодоление конфронтации между социально различными мировыми системами могут стать действенным фактором для устранения механизма непримиримого в прежние годы противостояния двух стержневых течений в современном рабочем движении. Процесс сближения и взаимодействия коммунистов и социал-демократов на разных этапах и в разных странах может нарастать неодинаковыми темпами, и могут уменьшаться разделяющие их морально-психологические и политические барьеры.

Допустимо предположение, что преодоление раскола в рабочем движении может произойти исключительно в том случае, если коммунисты, прежде всего правящие коммунистические партии, сумеют реабилитировать себя в глазах народов мира, покажут на практике не декларативный, а реальный разрыв с деформированным социализмом, образцы социального устройства общества, вполне сопоставимые с ныне существующими образцами общества на Западе и на Востоке.

А это значит, что отнюдь не в обозримом периоде, а лишь в более отдаленном долгосрочном будущем (начало XXI столетия) такая перспектива может обрести реалистический характер. Следует также учитывать, что в современных условиях социал-демократы продолжают серьезно опасаться объединения с коммунистами. При этом они исходят из того, что ослабленное и расколотое коммунистическое движение может нарушить сложившуюся стабильность международной социал-демократии, а слившись с нею, внести в ее ряды идейно-политические колебания и разлад, негативно повлиять на электоральную базу, что нанесет непоправимый ущерб всему рабочему движению.

Вышеизложенное предостерегает от сверхидеализации проблем единства в международном рабочем движении. Думается, что две соревнующиеся и в то же время тесно сотрудничающие между собой политические силы - коммунисты и социал-демократы, - действующие согласованным фронтом в борьбе за общечеловеческие интересы, способны принести более ощутимую пользу, нежели искусственно, а тем более любой ценой объединенные в единое организационное русло, в которое неизбежно был бы перенесен груз прошлых противоречивых концепций и убеждений. Согласно ленинской традиции, только те задачи требуют от коммунистов решения, которые реальны и продиктованы жизнью. Формирование плюралистического общедемократического движения, дополненного широкими гражданскими инициативами, союза всех прогрессивных партий и сил с интегрированием в него коммунистов и социал-демократов может стать важным ускорителем социального прогресса, решения общечеловеческих задач.

1 Коваль Б.И. Дискуссия по проблемам современной социал-демократии продолжается. Рабочий класс и современный мир, 1988, № 5, с.117,

2 См. Коммунистический Интернационал в документах. 1919-1932. М., 1933, с.760. XII съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968, с.10.

3 Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала, 1922. № 3, с.25. тринадцатая конференция РКП (б). Бюллетень. М., 1924, с.174; Тринадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963, с.320-324; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, ч.1, М., 1925, с.68.

4 Процесс эсеров. Выпуск второй. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922, с.115. 7 Стенографический отчет VI конгресса Коммунистического Интернационала, вып.1. М., 1929, с.34-35.

5 Цит. по: Вопросы истории КПСС, 1987, № 10, с.123.

6 Сталин И.В. Соч., т.6, с.282.

7 Ундасынов И.Н. От тактики единого рабочего фронта к тактике "класс против класса". Рабочий класс и современный мир, 1989, № 2, с.173.

8 Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее - ЦПА ИМЛ), ф.493, оп.1, д.403, л.41.

9 Там же, л.38.

10 Фирсов Ф. Расскажут архивы Коминтерна. Проблемы мира и социализма, 1989, № 1, с.55.

11 X пленум ИККИ. Тезисы, резолюции, постановления. М.-Л., 1929, с.14

12 Там же, с.25-26.

13 ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.2, д.169, л.139.

17 Там же, л.12.

18 Там же.

19 Правда, 4.X.1986.

20 Международное рабочее движение, т.IV. М., 1980, с. .656; т.V. М., 1981, с.144.

- 21 Фирсов Ф. Указ.соч., с.54-55.
- 22 Фирсов Ф., Шириня К. Коминтерн: опыт деятельности. Коммунист, 1988, № 10, с.111.
- 23 ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.19, д. 243, л. 54, 61-62.
- 24 Там же, оп. 18, д. 967, л.3.
- 25 Там же, оп.2, д.196, л.57-58.
- 26 Цит. по: Швейцер В.Я. Австромарксисты о революции и строительстве социализма в СССР. Рабочий класс и современный мир. 1988, № 2, с.152.
- 27 Там же.
- 28 Там же, с.153, 154.
- 29 См. Салычев С.С. В поисках "третьего пути". Эволюция идеологии социал-демократии в современную эпоху. М., 1988, с.117.
- 30 Там же, с.105-106.
- 31 Цит. по: Международное рабочее движение, т.V, с.444.
- 32 Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen. Bratislawa, 1936, S.212.
- 33 Entwurf für ein neues Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. 6. Parteivorstand der SPD. Irsee, 1987.
- 34 Аукен С. Конструктивный диалог необходим. - Проблемы мира и социализма, 1988, № 10, с.25.
- 35 Цит. по: Швейцер В.Я. Социалистический интернационал в меняющемся мире: 70-80-е годы. М., 1988, с.67.
- 36 Unsere Zeit, 7.1.1989.
- 37 См. Зиглер Ж. Социинтерн и судьба "третьего мира". Проблемы мира и социализма, 89, № 3, с.18-19,
- 40 Орлов Б.С. Перестройка и теоретические подходы социал-демократии. Рабочий класс и современный мир, 1988, № 5, с.128-131.
- 41 Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка. Правда, 26.XI.1989.
- 42 Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с.74.
- 43 Подробнее см.: Talos E. Sozialpartnerschaft und Neokorporatismustheorie. - Österreichische Zeitschrift für Politik. Wissenschaft, 1982, № 3, S.263-285. "Unsere Zeit, 7.1.1989.
- 44 Указ.соч., с.19.
- 45 Цит. по: Басманов М.И., Гусев К.В., Подушкина В.А. 1988, с.175.
- 46 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.35, с.102.
- 47 Ленин В.И. Пол.собр.соч., т. 34, с. 266. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.35, с.264.
- 48 Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов М., 1920, с.67.
- 49 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.36, с.246.
- 50 ЦПАИМЛ, ф.495, оп.165, д.129, л.41.
- 51 Там же.
- 52 Там же, л.43.
- 53 Там же.
- 54 Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП (б). 1924 г. М., 1924, с.22.
- 55 ЦПА ИМЛ, ф.495, оп. 165, д.129, л.44.
- 56 Informations Bulletin. Materialien und Dokumente kommunistischer und Arbeiterparteien 1987 N 11, S.27.
- 57 См. Правда, 18.X.1989.